

время под юрисдикцией Рима.⁵ Вполне естественно отнести это свидетельство к Фр. Скорине, ибо до 1552 г. в пределах польско-литовского государства русские книги издавал, как известно, только Скорина. В достоверности свидетельства этого документа нет особых оснований сомневаться, что С. Брага вполне основательно доказывает. И таким образом, открывается возможность положительно говорить о связи Скорины с Москвой, на которую, очевидно, он обратил внимание в интересах своего издательского дела.

Свидетельство грамоты 1552 г. нужно, конечно, несколько уточнить. И прежде всего в отношении хронологии. Если в ней имелся в виду Скорина, то самый факт установления контакта с Москвой надо было бы отнести скорее всего к концу двадцатых годов XVI в., во всяком случае ко времени после 1525 г., когда Скорина осуществил в Вильне издание Апостола и, вероятно, Малой подорожной книжицы. Поскольку речь идет об издании книг *in locis*, т. е. не в одном, а в нескольких местах (на это особо обращает внимание С. Брага) и при этом и в пределах польско-литовского государства, надо иметь в виду как пражские, так и виленские издания. Принимая во внимание, что уже в 1535 г. Скорина вторично появляется в Праге, из расчета надо было бы исключить последние 15 лет жизни короля Сигизмунда. С. Брага высказывается за отнесение связи Скорины с Москвой к 1525—1533 гг. Полагаем, что срок этот можно было бы сократить. Как известно, в 1530 г. Скорина был связан какими-то служебными отношениями с герцогом Альбрехтом Прусским. Далее, в 1532 г. Скорина состоял врачом и секретарем при виленском епископе и тогда же был как-то запутан в наследственные споры после смерти своего брата Ивана, что привело его на некоторое время в познанскую тюрьму. В 1532 г. он был взят под особое покровительство короля. Ввиду этого было бы трудно отнести попытку установить связь с Москвой к началу тридцатых годов; всего правдоподобнее было бы датировать ее 1525—1530 гг. Напомним, что именно в 1529 г. в пользу жены Скорины был решен затянувшийся спор о наследственных правах на дом в Вильне. Очевидно, в 1529 г. и следующих годах у Скорины было немало иных забот и занятий и едва ли оставалось время для московского предприятия. А как раз в 1525 г. Скорина закончил издание Апостола в Вильне и мог задуматься над тем, чтобы обеспечить сбыт и этой новой своей книги в Москве.

Как же именно надо себе представлять эту попытку? Из акта 1552 г. можно положительно заключить, что Скорина попытался распространить свои издания в Москве. Это было встречено весьма враждебно, и книги Скорины были преданы огню. Данный конфликт заслуживает полного внимания и учета в рамках истории отношений московского книжного мира к западноевропейским культурным веяниям и достижениям. Едва ли, однако, можно согласиться с С. Брагой, который представляет себе поездку Скорины как весьма громоздкую экспедицию со значительным запасом изданных им книг, с набором шрифтов, едва ли не со всем техническим оборудованием типографии и т. д. Иначе говоря, С. Брага допускает, что Скорина готов был организовать в Москве издательство и перенести туда свое типографско-издательское дело. Именно происшедшей в Москве катастрофой С. Брага склонен объяснять утрату всего

⁵ Для удобства читателя приводим здесь латинский текст этого известия: «...cum Divo parente nostro regnante quidam de subditis eius pio studio ductus sacram Scripturam lingua Russica imprimi et in lucem aedi currasset, et ad Moschos venisset, publice eos libros iussu Principis concrematos esse, propterea quod a Romanae ecclesiae addicto et in locis eiusdem auctoritati subjectis editi essent».